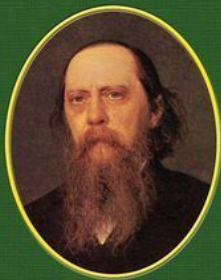

Михаил
Салтыков-Щедрин

Сочинения

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Внучка панцирного боярина.

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3133345*

Аннотация

Рецензия Салтыкова на новый роман И. И. Лажечникова, темой которого было польское восстание 1863 г., повторяет и развивает ряд тезисов, высказанных в рецензии на его предыдущий роман – «Немного лет назад». Салтыков вновь противопоставляет «прежнего» Лажечникова, автора исторических романов, написанных в 30-е годы и тогда заслуживших высокую оценку критики и популярность у читателя, – Лажечникову «новому», пытавшемуся изобразить современную действительность в шаблонах «старой дорафаэлевской манеры» – наивноромантической поэтики нравоописательного романа начала XIX века. Новая рецензия Салтыкова, однако, является более резкой, чем предыдущая. Это объясняется тем обстоятельством, что роман «Внучка панцирного боярина» проникнут антинигилистической и антипольской тенденцией и оказывается реакционным не только в чисто литературном смысле, по самому типу художественного мышления автора, но и по своей идейной направленности.

Содержание

Примечания
Комментарии

13

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Внучка панцирного боярина

*Роман из времен последнего польского мятежа
И. И. Лажечникова. В трех частях. СПб. 1868 г.*

Кто любит добродетель и желает продолжать любить ее, тот пусть не читает нового романа г. Лажечникова. Помимо воли почтенного автора, добродетель является в его произведении не в виде скромной и почтенной личности, которая действует честно и справедливо, потому что для нее это самая естественная и согласная с указаниями здравого рассудка форма действия, но в виде надоедливой старухи-салопницы, которая никак не действует и не поступает, а только выпрашивает грош в вознаграждение за свою бессодержательную болтовню.

Кто любит порок – тоже пусть не читает романа г. Лажечникова. Правда, что порок в этом романе ни в ком не возбудит негодования, никого не заставит страдать нравственно (что, как известно, для безнравственного читателя хуже ножа острого), но в то же время он не представляет никаких приманок, а следовательно, не имеет никаких шансов в

смысле прозелитизма. Порок является здесь в виде плохого провинциального актера, который намазывает себе сажей лицо с целью возбудить в зрителях ужас или сострадание, а вместо того возбуждает только смех.

Вообще, ежели кто-нибудь что-нибудь любит, кто-нибудь о чем-нибудь думает, – тот пусть не читает романа г. Лажечникова.

Роман этот следует читать в те минуты, когда мозговое вещество утомлено и безучастно к впечатлениям, приходящим извне, когда на дворе царствует темная ночь, а в комнате нет ни одной свечи. Вы спросите, читатель, каким же образом можно читать ночью без свечи? На это мы ответим: ежели нельзя, то, следовательно, и читать не нужно.

Мы очень хорошо понимаем, что г. Лажечников имеет за собой весьма почтенное прошедшее; мы помним, что его «Последний Новик», «Ледяной дом» и «Басурман» доставляли нам когда-то большое удовольствие (а давненько-таки, признаться, мы читали их), но потому-то именно мы и убеждаем всех и каждого: останьтесь при тех впечатлениях, которые оставил вас прежний Лажечников, и не читайте нового Лажечникова.

Герои почтенного автора разделяются на добродетельных и порочных. Первые одарены прекрасною и привлекательною наружностью: мужчины имеют хороший рост, женщины – поражают соразмерностью форм и обжигают молнией глаз; оба пола великодушны и порывисты, даже почти нерассуди-

тельно в своих движениях (так, например, старик Ранеев (ч. I, стр. 28) в порыве великодушия приказывает дать почтальону гривенник вместо обыкновенных трех копеек, следующих за доставку письма); они не помнят зла, никогда ничем не хвастаются, кроме добродетели, на фортепиано играют не только прекрасно, но вдохновенно, не читают ни Бокля, ни Молешотта, ни даже Либиха и за всем тем имеют ум проницательный. Напротив того, порочные герои одарены и внешностью самую бестолковую: глаза у них «кошачьи», а ежели не кошачьи, то испускают «какой-то демонический блеск», которого не смягчает даже «демоническая усмешка на губах»; они вероломны и охотно эксплуатируют московских купчих, наклонных к телесной любви; они не дают почтальону гривенника; они не хвастаются, но не потому, чтобы не хотели хвастаться, а потому, что нечем; они играют на фортепиано посредственно и, во всяком случае, не вдохновенно; они читают Бокля, Молешотта и Либиха и за всем тем не имеют ума, а ежели и имеют, то непроницательный.

При таких условиях, казалось бы, первым следовало наслаждаться и торжествовать, вторым же – скитаться по свету с Молешоттом под мышкой и угрызениями в душе; но у г. Лажечникова выходит совсем наоборот. Коли хотите, добродетель в конце концов и торжествует, но уже до того поздно, что в минуту торжества победитель, от старости и расстройств умственных способностей, вместо победного крика, может испустить только слабый писк. Напротив того, по-

рок хотя и наказывается, но уже тогда, когда он успел перепортить целые стада добродетельных людей и когда, исполнив свою задачу, он может спокойно сложить руки и сказать: ну, теперь мне на все наплевать!

Мы знаем, что это так истари заведено, чтобы торжеству добродетели предшествовали некоторые предварительные истязания, и что без этого никакой роман состояться не может; но мы знаем также, что в этих случаях, для успокоения встревожившейся совести читателя, всегда дается какая-нибудь конфетка, которая и помогает угнетенной добродетели справляться с истязаниями. Так, например, добродетельному, но угнетенному чиновнику ассигнуется из государственного казначейства пенсия; оставленной на произвол судьбы сироте является на помощь благодетельная старушка, которая учит ее по-французски и танцевать. Все это делает жизнь униженных, но добродетельных людей довольно приятною, так что порою они даже и сами не могут объяснить, в чем заключается так называемое угнетение. Но поэтому-то именно они и не торопятся восторжествовать слишком скоро над пороком, они как будто говорят: пускай, мол, его пороскошничает; все равно, ему не уйти из наших рук, а между тем И. И. Лажечников успеет написать роман.

Герой романа, заглавие которого выписано выше, некто старик Ранеев, чином генерал, но до того беспутный, что даже при совершенном оскудении в генералах трудно себе представить, какими путями подобный сорванец мог добыть-

ся генеральского чина. Типическую черту его характера составляет так называемая честность, которая выражается, во-первых, в том, что, кого бы и где бы он ни встретил, сейчас же начинает лаять на луну; во-вторых, в том, что лицо у него во всякое время свободно передергивается от негодования; и в-третьих, в том, что он кричит на столначальников: «негодяи!», полагая, вероятно, что это самый дешевый и притом совершенно безнаказанный способ сделаться благодетелем рода человеческого. Но за всем тем, старикашка и не без хитрости, как это явствует из того, что в видах устройства своей генеральской карьеры он не брезгует расположить к себе некоего Анонима предложением ему займы значительной суммы денег. Другая типическая черта его характера – это порывистость движений, с помощью которой он, среди многолюдной улицы, хватает за воротник неизвестного человека, вступает с ним в борьбу и разбивает при этом свои очки. Сверх того, он не может без слез видеть гравюр, изображающих женщин, кормящих грудью младенцев, и предпочитает их тем, в которых изображены просто обнаженные, купающиеся женщины.

Этот бестолково-стремительный, но не чуждый созерцания женских грудей старец встречается на Кузнецком мосту с другим добродетельным героем, Сурминым, отставным кавалергардом, который также не чужд склонности к созерцанию женских грудей. Встречаются они перед выставкой магазина Дациаро,^[1] где созерцательности этого рода пред-

ставляются, как известно, богатая пожива. Оказывается, что как ни добродетелен старик Ранеев, но ему небезызвестно ощущение юноши, который, при виде купающихся женщин, «хотел бы превратиться в волну, которая скатывается по их прекрасным формам». Оказывается также, что и Сурмин, несмотря на то что служил в кавалергардском полку, этом рассаднике отечественного целомудрия, тоже не прочь от знакомства с актрисами и камелиями и даже некоторым из них «позволил себя похитить на несколько упоительных часов». Люди столь целомудренные не могли не понять друг друга с первого взгляда, и вот между ними завязывается обмен мыслей, из которого читатель узнает, что Сурмин, независимо от основательного воспитания по части картинок, приобретенного на службе в кавалергардском полку, когда-то был одолжен Ранееву правильным решением его дела («негодяи!» крикнул он в то время на столоначальников и этим восклицанием сразу разрешил дело Сурмина). Тем не менее очень может быть, что этот разговор так бы на этом и кончился, если б Ранеев не вцепился в какого-то прохожего молодца, в котором он заподозрил врага своего, коллежского советника Киноварова, не вступил с ним в борьбу и не разбил себе при этом головы. Тогда потребовалось ехать домой и, разумеется, не иначе, как в сопровождении Сурмина.

Дома их встречает дочь Ранеева, Лиза, которая тотчас же обжигает Сурмина молнией глаз. Но, увы! – она любит уже другого, а именно поляка Владислава Стабровского. Ста-

бровский, впрочем, малый отличный; он состоит в Москве на службе и обращает на себя внимание начальников, а поэтому мог бы даже считаться обладающим проницательным умом, если бы не сбивала его с толку польская интрига. Он хорош собой (г. Лажечников удостоверяет даже, что на лице его «отпечатался тип Авзония»^[21]), но глаза его испускают демонический блеск, в чем опять-таки оказывается виновною польская интрига. Он и с своей стороны любит Лизу, но польская интрига, в лице капитана Жвирждовского, и тут предьявляет свое разрушительное действие. В колебаниях между Лизой и польской интригой застаёт его начало романа, и, к величайшему сожалению читателей, победительницею остается не Лиза, а польская интрига. И что всего замечательнее – чтобы рассечь этот узел, Лизе стоило только сказать: я твоя. Если б она выговорила эти простые слова, Владислав не бежал бы до лясу,^[3] и роман был бы кончен на двадцатой странице. Но она не говорит их; почему не говорит? – а просто потому: дай не скажу, авось это поможет И. И. Лажечникову написать роман.

Разумеется, добродетельному кавалергарду Сурмину такие колебания очень на руку, тем более что у Лизы есть приятельница, премилая блондинка Антонина Лорина, которая тоже способна обжигать молнией глаз. В этом милом обществе он, как говорится, катается как сыр в масле.

Покуда Сурмин наслаждается, Стабровский с товарищами, в самом сердце Москвы, организует измену. Но так как,

без всякого сомнения, г. Лажечников не был лично свидетелем совещаний польских повстанцев, то мы предполагаем, что начертанные им по этому поводу сцены суть сцены вымышленные и совершенно несоответствующие действительности. Почтенный автор, очевидно, руководствовался в этом случае старинным правилом, в силу которого чем нелепее и неестественнее живописуется неприятный субъект, тем лучше. Так, например, поляков он рисует и вероломными, и кровожадными, и сластолюбивыми, и безмозглыми, и вообще не останавливающимися ни перед какою подлостью; ежели же и находит в них какое-нибудь человеческое свойство, смягчающее несколько вышеупомянутые зверские инстинкты, то свойство это – безумие. Напротив того, русских он изображает добродетельными, но в то же время до того легкомысленными и легковверными, что они даже у себя под носом ничего не видят. Он забывает, во-первых, что в природе вообще не существует сплошных злодеев, а во-вторых, что легкомыслие, даже в соединении с добродетелью, тоже не бог знает какой драгоценный алмаз, чтобы можно было им хвалиться и выставлять напоказ.

Затем, что происходит далее – мы решительно не можем пересказать нашим читателям. Является множество новых лиц, совершенно ничем не вызываемых и ни для чего не нужных; эпизод лепится на эпизоде без всякой естественной связи с предыдущим и последующим; люди бродят из угла в угол, не находя себе ни занятия, ни пристанища, слов-

но души грешников в чистилище, этом скучнейшем из всех скучнейших помещений. Ранеев умирает жертвою приливов правдолюбия, которые не помешали, однако ж, ему прожить до глубокой старости; Сурмин, как истинный кавалергард, не смутившись отказом Лизы, обращается с своими чувствами к Тонечке и сочетается с нею законным браком; Владислав, изменивши однажды русскому правительству, изменяет и делу повстания, за что, с одной стороны, получает руку и сердце Лизы, а с другой стороны, пулю в грудь от одного из повстанцев; Киноваров проигрывает в карты все состояние и с отчаяния топится в реке...

Когда-то г. Лажечникову был высказан совет оставить область творчества и заняться, буде он находит для себя литературный труд бесполезным, изданием мемуаров, которые, во всяком случае, должны быть небезынтересны.^[4] Совет этот мы и с своей стороны находим весьма разумным и охотно присоединяем к нему наш слабый голос.

Примечания

ОЗ, 1868, № 12, отд. «Новые книги», стр. 252–256 (вып. в свет – 11 декабря). Без подписи. Авторство указано В. В. Гиппиусом – *Z. f. sl. Ph.*, S. 184; подтверждено на основании анализа текста С. С. Борщевским – *изд. 1933–1941*, т. 8, стр. 504–505.

Рецензия Салтыкова на новый роман И. И. Лажечникова, темой которого было польское восстание 1863 г., повторяет и развивает ряд тезисов, высказанных в рецензии на его предыдущий роман – «Немного лет назад» (С, 1863, № 1–2; см. т. 5 наст. изд., стр. 307–319). Салтыков вновь противопоставляет «прежнего» Лажечникова, автора исторических романов, написанных в 30-е годы и тогда заслуживших высокую оценку критики и популярность у читателя, – Лажечникову «новому», пытавшемуся изобразить современную действительность в шаблонах «старой дорафаэлевской манеры» – наивноромантической поэтики нравоописательного романа начала XIX века («Герои почтенного автора разделяются на добродетельных и порочных»; ср. в рецензии на роман «Немного лет назад»: «изображаемые им лица разделяются на две половины: на добродетельных и плутов» и т. д. – т. 5, стр. 310).

Новая рецензия Салтыкова, однако, является более резкой, чем предыдущая. Это, несомненно, объясняется тем об-

стоятельством, что, напечатанный первоначально в 1868 г. в журнале «Всемирный труд», роман «Внучка панцырного боярина»¹ был проникнут антিনিгилистической и антипольской тенденцией. Он оказался реакционным не только в чисто литературном смысле, по самому типу художественного мышления автора, но и по своей идейной направленности. Этим объясняется, в частности, ироническое замечание Салтыкова, что добродетельные герои Лажечникова «не читают ни Бокля, ни Мошотта, ни даже Либиха» – авторов, популярных среди передовой молодежи начала 60-х годов (см., например, в «Отцах и детях» Тургенева). Для идейной тенденции романа показательна следующая характеристика главного героя, участника польского «повстанія» Владислава Стабровского: «Ему предстояло защищать дело темное, революционное, которое он сам в душе осуждал; но он продал душу свою этому делу, как сатане, и должен был стоять за него...» Поэтому Салтыков не мог теперь повторить того, что им было сказано в рецензии 1863 г.: «г. Лажечников самая сочувственная молодому поколению личность из всей фаланги старых литераторов» (т. 5, стр. 308).

---

¹ Панцырные бояре – особый род польской пограничной стражи

Комментарии

1.

...выставкой магазина Дациаро... – Известные в свое время магазины гравюр и эстампов в Петербурге на Невском проспекте и в Москве на Кузнецком мосту.

2.

...тип Авзония... – то есть итальянца.

3.

...не бежал бы до лясу – то есть в лес (польск. – do lasu), иными словами – не стал бы повстанцем.

4.

Когда-то г. Лажечникову был высказан совет оставить область творчества и заняться... изданием мемуаров, которые во всяком случае должны быть небезынтересны. – Этот совет высказал сам Салтыков в рецензии 1863 г., руководствуясь, вероятно, успехом воспоминаний Лажечникова о Белинском, напечатанных в 1859 г.